

М. И. Сухарева

**Депортация немецкого населения: по материалам
Поспелихинского и Романовского районов**

На Алтайский край в годы Великой Отечественной войны были депортированы представители разных национальностей, которые были объявлены потенциальными «врагами» и «предателями» [1, с. 346].

В сентябре-октябре 1941 г. в Алтайский край прибыли немцы из Поволжья, а в последующие годы войны – из Западной Украины, Белоруссии и с Кавказа. Все они рассредоточивались по 58 районам края группами от 500 до 2000 человек [2, с. 18]. И хотя «о немцах Алтая написано много книг и научных статей, которые посвящены их истории, современному состоянию, языку и культуре» [3, с. 98], можно согласиться, что «трагическая история немецкого народа... не разработана исторической наукой. Для историков собственно немецкого народа... как объекта для изучения не существует» [4, с. 6].

В Центре устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ с 1993 г. реализуется программа «Репрессии и депортации народов Алтая», с 1998 г. реализуется программа «Народы Алтая: история и культура» (составитель и руководитель обеих программ д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова), в рамках которой изучаются мордва, татары, казахи, украинцы и другие народы, проживающие на Алтае. Среди них большой материал собран по немцам, написаны статьи, защищены магистерские диссертации (О. Ремезовой, Н. Шрейдер, Л. Черкашиной). Ими же написаны и многочисленные статьи: например, по истории миграции немцев Романовского района после реабилитации посвящена статья Н. В. Шрейдер [7]. В последние годы в ежегодных историко-этнографических экспедициях по депортации немцев активно работает Е. Ю. Сластинина. Ее исследования посвящены немцам Поспелихинского района и отдельным группам немецкого населения [5; 6]. Все они написаны на основе обработки полевых материалов.

В нашем исследовании автор предпринимает попытку рассмотреть ряд вопросов, в частности о процессе депортации, обустройстве на новом месте, о взаимоотношениях депортированного народа и местных жителей и др. В данной работе приводятся материалы из интервью девяти деревенских жителей, являвшихся участниками или очевидцами депортации в Поспелихинский и Романовский районы. В Поспелихинском районе немецкое население является второй по величине группой [6, с. 179]. В этом районе в 2003 и 2008 гг. проходили историко-этнографические экспедиции АлтГПА (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова), одной из целей которых являлось изучение

различных групп немцев [5, с. 151]. В Романовском районе экспедиции проходили в 2010 и 2014 гг.

Одной из сложных задач нашего исследования является определение характера взаимоотношений, которые складывались между местным и депортированным немецким населением в годы Второй мировой войны. На отношение местных жителей к прибывшим спецпереселенцам оказывала влияние государственная пропаганда. Она формировала отношение к депортированным немцам как к потенциальным предателям. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» из этого района в короткий срок, «лишив всех политических и гражданских прав, в товарных вагонах было насильственно вывезено более 400 тысяч человек» [8; 2, с. 16]. Чрезвычайные меры «обосновывались необходимостью борьбы с многочисленными шпионами и диверсантами среди немецкого населения» [6, с. 180]. Следовательно, власть объясняла выселение немцев в районы Сибири, Казахстана, Средней Азии возможностью их сотрудничества с гитлеровскими войсками. Изначально этнические переселенцы прибывали на новое место поселения с отрицательной характеристикой. Эту проблему поставила в своей публикации Т. К. Щеглова [16]. При этом надо учитывать национальный состав населения районов, который был представлен русскими, украинцами, казахами и другими национальностями. Романовский район, кроме того, является этническим ядром расселения украинцев [9, с. 75].

Поэтому прибытие и расселение немцев надо рассматривать и с позиции местных жителей, и с позиции депортированных. Так, жительница поселка Хлебороб Н. Ф. Акульпина (Поспелихинский район) вспоминает: «У нас немцы еще были.... Из Поволжья. Да, привезли несколько семей. Во время войны. Вот таких привезли, и прямо за нами... дом, там их несколько семей было, разгрузили, они там жили, потом их начали... по колхозам [распределять]» [10]. А по воспоминаниям жительницы Поспелихинского района (Э. Ф. Руппель, пос. Хлебороб) можно восстановить картину о том, как немцев переселяли на Алтай: «...Они пришли и сказали: вот, собирайтесь, вот такого-то числа мы вас увезем, а куда – мы не знали. Приехали в Алтай, привезли нас в Алтай. Ну, такие вагоны, помню, как, вот такие, где скотину возят, такие вагоны [в которых нас привезли]...» [11]. Из-за коротких сроков на сборы, тесноты в вагонах на прежнем месте жительства приходилось оставлять многие вещи, домашних животных: «Че могли, мы взяли, а остальное все осталось дома, и все. Всё оставили. И коровы, и скотина» [11].

Обустройством этнических переселенцев на новом месте жительства должны были ведать партийные и советские органы [2, с. 17]. К их

приезду должно было быть подготовлено жилье для расселения и по возможности продукты питания. Так, П. Л. Джик (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает: «Немцев прислали – каждому по поросенку колхоз дал, муку или пшеницу им давали, они мололи – кормили поросят, по корове дал им, квартиры всем им дали, работу дали всем» [12]. Продукты спецпереселенцам в некоторых случаях выдавали, когда имелись квитанции за оставляемые постройки, продукты. Немцы могли претендовать на соответствующую компенсацию за них. Однако многие не успели получить квитанции, а полученными часто не могли воспользоваться из-за отсутствия ресурсов на месте [13, с. 316]. Что касается работы, то многим переселенцам была предоставлена работа, так как многие из них были грамотными специалистами.

Вместе с тем для властей одной из проблем стало обеспечение жильем. Местные жители отмечали, что жилье переселенцам предоставляли там, где было возможно. А. Г. Захарченко вспоминает: «Куда расселяли... Вот по селу, где была квартира возможна, вот их в ту бригаду. Люди как-то шли на уступки» [14]. Районы часто не успевали подготовиться к приему спецпереселенцев [2, с. 18]. По приезду, в условиях нехватки и неподготовленности жилых помещений, переселенцев либо принудительно подселяли в дом к деревенским жителям, либо селили в непригодные для жилья помещения. Х. П. Деринг вспоминает: «Разгружали по квартирам – разделяли – к людям... Кого на квартиры, кого по бригадам. Где кто принимал. Как тут у нас бабка одна жила. Она, это, была кулачка, что ли. Дак мы у ей жили тут» [15].

Одним из отличий в положении немцев была обязанность отмечаться в комендатуре, подтверждая, что они не покинули место поселения [7, с. 316]. Эта обязанность сохранялась вплоть до середины 1950-х гг. [7, с. 315]. П. Л. Джик вспоминает: «...Они шли в сельский совет, и я секретарем работала, а милиция, под контролем которой [проходила перепись], приезжала и переписывала всех – года два или три, наверно, так ходили. Все бросают и идут – знают число свое, и приходили» [12].

Но наиболее болезненной темой в материалах интервью стала тема взаимоотношений. Антифашистская кампания накладывала отпечаток на ситуацию. Среди деревенских жителей возникло мнение, что некоторые спецпереселенцы ранее сотрудничали с Германией. Эти настроения подогревались государственной политикой, которая определила немецкий народ в категорию «ненадежных» [16, с. 156]. Из рассказов местных жителей: «Ну, говорит, когда подходили немцы сюда, к Волге, где они жили, некоторые, значит, какие-то донесения передавали. Ну, наверно, где точки военные или че... и их, это, значит, заметили эти, узнали, и их туда [в Сибирь] всех их выселили, может, не все, конечно,

это делали, а всех выселили, разделили по России, в далекую Сибирь» [14]. «Война началась – вот где они [немцы] прекрасно жили, в Поволжье там, они могли тоже к Гитлеру присоединиться. И их разослали в каждую деревню» [17].

Местное население, оказавшись в тяжелых военных условиях, часто не имело представлений о конкретных виновниках войны и оправдывало действия советской власти: «Вот их с Поволжья [переселили] с того, чтобы они ни присоединились к тем, какие воюют. Их побоялись там держать. Их советский народ расселил там [в Сибири]... Ну они говорили – мы не виноваты [в войне]. А русские не знали, кто. Откуда? Их с Поволжья – а что, их мало было? Кто это развязал войну? Нам не докладывали» [17]. Советская власть ничего не сделала для того, чтобы объяснить, что российские немцы не несут ответственности за агрессию Германии [13, с. 316].

Несмотря на эти условия, отношения переселенных немцев и местных жителей складывались по-разному. Об этом свидетельствует рассказ А. Г. Захарченко (с. Клепечиха, Поспелихинский район): «Вот, и молоко несли, и что у кого было, всем помогали... Всякие были, оно и сейчас всякие люди, есть и такие, есть и другие» [14]. В основном спецпереселенцы приезжали на Алтай в сентябре-октябре 1941 г. и не имели возможности посадить огород и подготовиться к зиме. Поэтому после переезда немцев спасала продажа привезенного скарба – покрывал, одежды и других вещей. Х. П. Деринг рассказывала: «Покрывало продашь – ведро картошки дадут, и вот на эту картошку, а хлеб и не спрашивали... Вот девчужка была, пойду по дворам: кому пол помою – простоквиши [простокваши] дадут, вот то поем, и всё» [15]. Х. П. Деринг вспоминала, что местное население понемногу им с семьей помогало: «Не было ни дров, ниче не было, ходили по дворам, просили у людей. Кто кизяк даст штуки три. Бывало, пойдешь – и у того попросишь: подайте, может, что-нибудь поесть – картошины или что... давали некоторые. Или молоко, бутылку, попросишь» [15].

Болезненной темой в материалах интервью является трудармия. Мобилизации в рабочие колонны в соответствии с приказом ГКО от 10 января 1942 г. подлежали немцы, годные к физическому труду. Они направлялись в Новосибирскую, Омскую области, Казахскую ССР [2, с. 97]. Труд мобилизованных частично использовался и на Алтайском крае – «на Михайловском содовом комбинате и Рубцовском тракторном заводе» [2, с. 20]. Это явление не было массовым в основном из-за отсутствия больших лесозаготовок, поэтому трудармейцев направляли в другие края и области. Об отношении, которое встречалось к немцам в трудармии, рассказывает П. Л. Джик (с. Сидоровка, Романовский

район): «В то время много немцев работали: „трудармия“ тогда называли — вот там много немцев было. Видишь, дураки ж попадают русские, немцы и всякие. Видимо, ты такой-сякой, иди туда, иди сюда — не жалели ничо, а если бы так как со всеми относились — может быть, смертности меньше были. Много поумерли» [12]. В 1941–1942 гг. из Поволжья на Алтай было ввезено 115 тысяч немцев. К апрелю 1949 г. их осталось 73136, следовательно, безвозвратная убыль составила 41864 человека [4, с. 17]. Однако убыль здесь можно объяснить не только гибелью спецпереселенцев. После расформирования трудовой армии в 1946 г. происходило возвращение немцев на прежнее место жительства, но значительная часть трудармейцев осталась жить на новом месте [18, с. 196]. Кроме того, после войны на Алтае размещали часть репатриированных немцев, поэтому сведения об убыли немцев на Алтае являются достаточно приблизительными [18, с. 196].

Возвращаясь к теме взаимоотношений, необходимо отметить, что часто встречалось взаимное непонимание при подселении этнических переселенцев в семьи к сельским жителям. Неприязнь усиливали разные языки, тяжелое военное время, похоронки с фронта. Об этом свидетельствует рассказ М. Н. Яценко: «...Не спрашивали, надо тебе, не надо — подселяли, и все. И они же и недовольные были. У нас жила семья. Они только спали и что-то готовили. Со своим приехали — с маслом со своим, хлебом, с мукой. Как они уже жили — сами по себе, наверно, жили, потому что они не хотели на работу идти никак... Не делились [продуктами с нами], а враждовали. Что-то говорят, говорят, не поймешь — если б понимали б — а что-то они ругают за что-то — то ли нас, то ли кто их пригнал сюда... Что-то был, какой-то комок был у них в груди, что они лучше нас жили. Недовольствие было. Дак мы хуже жили — как и они были. По три ведра масла они понавезли — у нас такого не было. У нас притесняли, чтоб ты не был богатый: вот одна коровка, и все...» [17]. Большинство респондентов из местных жителей говорили, что материальный достаток до депортации у большей части немцев Поволжья был выше, чем у жителей алтайской деревни

Другая часть местных жителей Поспелихинского и Романовского районов отмечают, что вражды по отношению к депортированным не было. Одна из традиций русской культуры — сочувствие обиженным, беспомощным, желание им помочь. Это можно проследить по рассказу Н. Ф. Акульшиной: «Может быть, им было трудно, так-то никто [не обижал], бывало, молочка унесет, жалели, не знаю, по-моему не обежали, не знаю, не должно быть». Она также называет причины, почему дети депортированных немцев не учились в школе: «...Они по-русски не умели говорить, а в то время никто не настаивал, учился, не учился —

кому ты нужен» [10]. А. С. Анисимова (с. Сидоровка, Романовский район) также вспоминала, что немцам оказывали помощь: «У нас огород уже был — лучок да капуста своя; капусту, было, попросят» [19].

Но по истечении времени отношение к этническим переселенцам менялось к лучшему. Фактором сплочения сельского немецкого и русского населения являлись такие качества, как трудолюбие, добросовестность [16, с. 161]. М. В. Сергеева (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает: «Сразу, как приехали, и зависть была, фашистами обзывались, а потом привыкли — и пошло все так. Стали родственниками — поженились. Раз дети идут [замуж] — а куда родителям деваться [20]. Немцы становились друзьями деревенских жителей и даже родственниками, происходило привыкание к некогда непонятным традициям.

Об обмене культурным опытом говорят многие респонденты. Достаточно подробно об этом рассказывает жительница пос. Хлебороб Н. Ф. Акульшина: «Но немцы привезли нам культуру, в наш поселок. Они приходили, у них все выбитое было [о рисунках на ткани], они также искусницы были, все кружевное было, ну, короче, они не так жили, как мы, они хорошо одетые были... они с Поволжья, немцы — культурный народ; мы, конечно, у них перехватили. Даже у кого не было штор, а у русских тогда их ни у кого не было, дак они как-то глиной белой вот побелют стекла, а потом рисунки наводили такие, с улицы кажется — это такая [красота]. Они искусницы были, чистоплотный народ, замечательный, мне нравилось. Ну у них уже появились маслобойки, масло сбивали... А у них маслобойки, сидит, бывало, на завалинке, туда-сюда — и готово. Вообще культурный народ был. Очень они были чистоплотный [народ], всегда и везде у них порядочек был...» [10].

Материалы этого интервью демонстрируют уважительное отношение к немцам, к их повседневной традиционной культуре, трудолюбию, владению ремеслом, аккуратности, изобретательности. Жительница Романовского района А. С. Анисимова рассказывала о трудолюбии переселенных немцев: «Немцы у нас через дорогу жили. Они работающие были. Усё они вязали. Было, в школу сумочку свяжет — были чернилки [назывались] — вязала нам, покойница теперь уже, Лиза. Сумочку, как рукавичку свяжет, заштопают... у них уже платок был, на косыночку, кружавчики вышит... И они, главное, умели все делать!» [19]. А. П. Позднякова (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает об искусстве вязания сельских немцев: «Работали они — вязали — и шали, вязали и всё-всё» [21].

Таким образом, со временем многие немцы зарекомендовали себя как трудолюбивые работники, приобрели уважение и хорошее отношение среди русских [13, с. 321]. Происходили взаимовлияние и вза-

имообмен культурными традициями. Так, А. С. Анисимова вспоминает: «...Мы сошлись в дедом, земляночка у нас была, и они [у соседей-немцев] – землянка была. Он, этот же немец, и вот – сестре делал тут эту земляночку... А дети уже не хотели по-немецки разговаривать... Она [мама] ей по-немецки говорит – она [дочь] ей отвечает по-русски. В школу ходили – и тут же вместе играли» [19].

Условия переселения, обустройство немцев на новом месте показывают весь драматизм ситуации, когда этнические переселенцы оказались без вины виноватыми, в крайне тяжелых условиях выживания. Сложность ситуации, в которой оказались немцы, находила сочувствие у большинства местных жителей. Они, сами переживая сильные жизненные потрясения и трудности, оказывали помощь этническим переселенцам. Другая часть деревенских жителей относилась к приезжим настороженно и даже враждебно. Бывало, и сами «немцы вели себя агрессивно» по отношению к местному населению [13, с. 321]. Однако совместное выживание в тяжелых военных условиях сплачивало людей. Деревенские жители, представленные различными национальностями, поддерживали друг друга. Это было необходимо, чтобы выжить.

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
2. Немцы Алтая (справочно-библиографический сборник) / под общ. ред. В. И. Матиса. Барнаул: АК ИП КРО, 2008. 362 с.
3. Смирнова Т. Б. Немцы Алтая. Краеведческие записки. Вып. 8 / Управление Алтайского края по культуре, Алтайский государственный краеведческий музей; [редкол.: О. В. Падалкина, И. В. Попова (отв. за вып.), Т. К. Щеглова (науч. ред.)]. Барнаул: Алтай, 2009. С. 98–118.
4. Сыщенко А. Г. Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг.: Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы: сб. док. Барнаул: Алтайский дом печати, 2007. 623 с.
5. Сластинина Е. Ю. Полевые этнографические исследования среди немцев Поспелихинского района Алтайского края в 2009 г.: опыт изучения локальных групп // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 6: материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, г. Барнаул, 19–21 ноября 2009 г. / редкол.: М. А. Демин [и др.]. Барнаул, 2009. С. 151–155.
6. Сластинина Е. Ю. Немцы Поспелихинского района Алтайского края: предварительные итоги полевого сезона 2008 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 5: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, г.

- Барнаул, 4–6 декабря 2008 г. / редкол.: М. А. Демин [и др]. Барнаул, 2009. С. 179–184.
7. Шрейдер Н. В. Миграция немецкого населения после реабилитации (указа 1955 г.) на примере целинного поселка Тамбовский Романовского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 7: материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения, г. Барнаул, 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина [и др.]. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 314–318.
  8. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» [электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901829879>.
  9. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора устной истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 72–83.
  10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008. Поспелихинский район, пос. Хлебобоб. Акульшина Н. Ф., 1933 г. р.
  11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008. Поспелихинский район, пос. Хлебобоб. Руппель Э. Ф., 1925 г. р.
  12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Сидоровка. Джик П. Л., 1923 г. р.
  13. Явнова Л. А. Депортация и воспоминания немцев Алтая (по материалам письменных и устных источников) // Память, ответственность и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию депортации российских немцев, г. Барнаул, 10–11 сент. 2011 г. / отв. ред. Т. К. Щеглова, Э. В. Винтер и др. Барнаул: АБВГДейка, 2011. С. 313–324.
  14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г. Поспелихинский район, с. Клепечиха. Захарченко А. Г., 1920 г.р.
  15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Деринг Х. П. 1929 г. р.
  16. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию; 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию; 75-летию Алтайского края, г. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Спектр, 2012. С. 155–165.

17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Яценко М. Н. 1928 г. р.
18. Смирнова Т. Б. Динамика численности немецкой диаспоры в Сибири 1940–1990-х годах // Память, ответственность и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию депортации российских немцев, г. Барнаул, 10–11 сент. 2011 г. / отв. ред. Т. К. Щеглова, Э. В. Винтер и др. Барнаул: АБВГДейка, 2011. С. 193–205.
19. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Анисимова А. С. 1931 г. р.
20. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Сергеева М. В., 1925 г. р.
21. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Позднякова А. П., 1929 г. р.